

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА?

О. В. Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 1 июня 2009 г.

Аннотация: ни эквивалентность текста оригинала и текста перевода, ни адекватность перевода как воспроизведение функциональной доминанты исходного текста не могут служить достаточными и универсальными критериями оценки качества перевода. Оценка должна учитывать и ситуацию перевода, и конкретную задачу, поставленную перед переводчиком, и соответствие этой задаче выбранной переводчиком стратегии, поэтому критерии оценки не могут основываться на сопоставлении текстов как таковых. Учет всех обстоятельств, сопутствующих выполнению перевода, неизбежно выводит вопрос о качестве перевода за рамки теории перевода в ее нынешнем виде.

Ключевые слова: перевод, критерии оценки качества, адекватность, цель создания перевода.

Abstract: neither the degree of equivalence of the original text and its translation nor the translation adequacy, understood as rendering the functional focus of the original text, can serve as reliable and universal criteria of translation quality assessment. The situation in which the text was translated, the purpose of translation, the choice of translation strategy should also be taken into consideration, so assessment criteria can not be based on text comparison. The necessity to take into consideration all the circumstances accompanying the process of translation makes it impossible to assess translation quality within the framework of modern translatology.

Key words: translation, quality assessment criteria, adequacy, purpose of translation.

Вопрос о критериях оценки качества перевода обсуждается давно. Чаще всего в связи с этим упоминаются такие понятия, как эквивалентность и адекватность перевода. Оба термина неоспорны, их использование для оценки качества перевода и обосновывалось, и ставилось под сомнение многими переводоведами. Анализ того, как по-разному они понимаются переводоведами, посвящено немало работ (см., например [1—4]). Если с определением эквивалентности все более или менее понятно (по крайней мере, в том плане, что этот термин указывает на эквивалентные отношения либо между знаками, либо между текстами), то понятие «адекватность» настолько расплывчато и неопределенно, что вряд ли может служить критерием какой бы то ни было оценки. Термином «адекватность» пользуются и при определении понятия перевода как такового, и при попытках выделения критериев оценки качества перевода, что вряд ли правильно с точки зрения логики: если адекватность — это обязательное свойство перевода и в то же время синоним понятия «хороший перевод», то получается, что перевод — это только хороший перевод. Тогда, собственно говоря, и оценивать нечего: либо перевод, либо не перевод. Если же адекватность понимается как «соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому изме-

рению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира» (см. изложение взглядов К. Райс и Г. Вермеера в [4, с. 32]), то эта категория уже становится совершенно неопределенной, так как включает в себя выбор стратегии перевода. Если такой выбор диктуется внешними условиями (скажем, заказчиком), то такая оценка понятна. Если же стратегия выбрана самим переводчиком ошибочно, в силу недостаточного понимания текста, то перевод при таком подходе все равно может считаться адекватным: он адекватен той самой ошибочно выбранной стратегии. Насколько это помогает решению вопроса о критериях оценки качества перевода?

Думается, что причина отсутствия на сегодняшний день сколько-нибудь четких критериев оценки качества перевода кроется даже не в этом. Поиски неких единых критериев оценки перевода обречены на неуспех прежде всего потому, что мы пытаемся измерить общим аршином совершенно разнородные и зачастую разноплановые явления. Что мы должны оценивать? Соответствие друг другу (т. е. эквивалентность) текста оригинала и текста перевода? Но всем известно, что качество перевода далеко не всегда напрямую зависит от степени эквивалентности текстов. И более того — всегда ли их максимальная эквивалентность нужна получателю? При этом уровень эквивалентности текстов чаще всего будет зависеть не только и не столько от таланта переводчика, сколь-

ко от соотношения двух языков и в плане нормы, и в плане речевого узуса. И во многих случаях стремление к более высокому уровню эквивалентности может привести к снижению качества перевода. Так что рассматривать эквивалентность (по крайней мере, в ее наиболее распространенном понимании) в качестве критерия оценки качества перевода вряд ли целесообразно.

Возможно, вместо этого следует оценивать тождественность воздействия, оказываемого переводом на его получателя, воздействию, оказываемому оригиналом на его читателя (иными словами, сохранение авторской интенции, воспроизведение коммуникативной доминанты), часто называемую адекватностью? «Если созданный переводчиком текст, — пишет В. В. Сдобников, — способен оказывать воздействие, аналогичное воздействию со стороны оригинала, то перевод адекватен» [1, с. 273]. Но всегда ли перед переводчиком стоит такая задача? И теоретики, и практики перевода знают, что далеко не всегда. Более того, в огромном числе случаев такая тождественность принципиально невозможна, так что ее отсутствие никак не может служить основанием для того, чтобы объявлять перевод недостаточно хорошим.

Даже такие, казалось бы, объективные оценки, как полнота или соответствие нормам и узусу переводящего языка, имеют разную значимость при оценке разных переводов. Так, набор параметров, по которым может оцениваться качество устного перевода, существенно отличается от критериев оценки качества письменного перевода. Записанный и впоследствии проанализированный в качестве «застывшего» текста устный перевод может быть чудовищным (пропуски, нарушение формы, нарушение сочетаемости, а иногда и синтаксиса переводящего языка и т.д.), что не мешает ему быть вполне приемлемым устным переводом, соответствующим цели, с которой он выполнялся. Для этого достаточно, чтобы пропуски не касались значимой информации, чтобы нарушения нормы и узуса не выходили за рамки стилистических погрешностей, не мешающих пониманию смысла, а главное — чтобы была сохранена коммуникативная интенция говорящего на исходном языке. Здесь требования к качеству предопределяются самой ситуацией выполнения перевода. Однако выполненный таким же образом письменный перевод будет оценен как плохой даже в том случае, если цель, с которой он выполнялся, сводится к пониманию общего смысла текста. И дело здесь не только в том, что другой была ситуация, в которой работал переводчик, но и главным образом в том, что оговорки в устной речи и ошибки в письменной воспринимаются получателем совершенно по-разному.

Проблема усугубляется еще и отсутствием ясности в вопросе о том, кто должен и может оценивать

качество перевода. Кто может оценить степень эквивалентности текстов? Понятно, что это не может быть получатель перевода, так как он не знает, что написано в оригинале, — иначе ему перевод не был бы нужен. И в большинстве случаев это не автор, который обычно не знает переводящего языка, да и вообще может ничего не знать о самом существовании перевода, тем более что перевод может выполняться через много лет и даже веков после написания оригинала. Сопоставить тексты может только какое-то «третье лицо», некий гипотетически существующий беспристрастный критик, одинаково хорошо владеющий обоими языками и знающий о той задаче, которая стояла перед переводчиком. Но кто и как может оценить и тем более измерить воздействие, оказываемое оригиналом и переводом на соответствующих читателей? И не лукавим ли мы, говоря о возможности оценить тождественность текстов с точки зрения передачи функциональной доминанты оригинала? Где объективные критерии ее выделения? Ведь каждый человек читает текст со своих позиций. Он воспринимает его, опираясь на собственные фоновые знания, исходя из цели, с которой он этот текст читает, и воспринимает его в определенном информационном и ситуативном контексте. Поэтому не только представители двух разных культур, но и даже два переводчика по-разному могут определить функциональную доминанту текста. А уж у получателя перевода отношение к тексту, да и сама цель чтения, тем более могут оказаться совершенно иными.

Попытки оценить качество перевода через эквивалентность и адекватность исходят из некоей абстрактной идеи: текст оригинала и текст перевода должны в идеале соотноситься так, чтобы каждый получатель перевода мог найти в переводе все то, что он нашел бы в оригинале, владеет он исходным языком и будь он знаком с культурой, в рамках которой создавался текст. Но это — утопическая идея. Так быть просто не может, и прежде всего потому, что он обладает иным языковым менталитетом и иным запасом фоновых знаний.

Существует множество причин, по которым в плане содержания текст перевода не может быть идентичным тексту оригинала.

Начнем с целей создания текста и целей его перевода. Устное выступление, адресованное слушателям, не являющимся носителями языка оригинала, изначально создается с учетом того, что этот текст будет переводиться для представителей другой культуры. Это относится и к незначительному количеству письменных текстов. Но даже устное выступление чаще всего бывает адресовано оратором своим согражданам и создается без всякого учета иноязычной аудитории, для которой перевод может осуществляться при трансляции иностранными теле- и радиокон-

паниями или в рамках репортажа о событии, на котором произносится переводимая речь.

Письменные тексты еще реже бывают изначально адресованы иноязычному читателю, авторы чаще всего вообще не думают о возможности их перевода для представителей другой культуры. Поэтому в большинстве случаев цель создания текста и цель создания перевода не совпадают. Автор создает текст с целью оказания *определенного* воздействия на *определенную* аудиторию, обладающую *определенными* фоновыми знаниями, находящуюся в *определенной* исторической ситуации и, следовательно, воспринимающую этот текст в *определенном* историческом, политическом, культурном, эстетическом контексте. Поэтому полностью воссоздать характер воздействия текста в переводе не только невозможно, но зачастую и не нужно. К примеру, устные и письменные выступления кандидатов в предвыборной гонке призваны завоевать каждому из них как можно больше сторонников среди своих сограждан. Означает ли это, что перевод таких выступлений призван пополнить ряды этих сторонников гражданами других стран? Предвыборные выступления переводятся для того, чтобы информировать читателей — носителей переводящего языка о складывающейся в стране исходного языка политической ситуации и, возможно, повлиять на их оценку той или иной программы. Но не более того. Тогда как оригинал не всегда рассчитан на интеллектуальную оценку. Он зачастую откровенно «бьет на эмоции», играя на чувствительных струнах в душах избирателей («голосуй сердцем!») и отвлекая их от истинного содержания программы или даже от фактического ее отсутствия. И призыв выйти на демонстрацию адресован явно не гражданам, проживающим в других странах. О каком тождестве воздействия здесь может идти речь? Еще очевиднее такое несоответствие бывает при переводе речей политических деятелей прошлого, когда и сам предмет их выступления, и цель произнесения речи давно перестали быть актуальными. Хорошим примером такой ситуации могут служить переводы Геттисбергской речи А. Линкольна, анализируемые С. А. Алексеевым [5]. Эта речь сегодня даже на американцев производит совсем не то воздействие, на которое рассчитывал в свое время А. Линкольн. Что уж говорить о получателях переводов! Значит ли это, что сегодня невозможен хороший перевод этой речи?

Другая причина кроется в неоднозначности определения места переводчика в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации. Представление о том, что переводчик должен попеременно отождествлять себя с каждым из коммуникантов, основывается лишь на тех ситуациях, где между отправителем оригинала и получателем перевода действительно происходит реальный коммуникативный

процесс. Там же, где текст изначально не предназначался для перевода, происходит псевдокоммуникативный процесс. Отправитель оригинала мыслит себе общение с одним адресатом, а текст перевода получает другой. Такая ситуация соотносится с коммуникативной так же, как в классификации знаков соотносятся признаки и собственно знаки. Признаки не являются знаками общения, поскольку они не создавались с целью передачи информации. Однако человек из них извлекает некоторую информацию, в результате чего получается что-то похожее на знаковую ситуацию. Так же и в переводе: автор ничего получателю перевода сказать не хотел, но, благодаря переводчику, получатель извлекает информацию из текста. Как здесь определить роль переводчика? А ситуация эта не такая уж редкая — не случайно М. Я. Цвиллинг говорит о «терциарном переводе», т.е. переводе в интересах третьих лиц [3, с. 154]. В таких случаях на первое место выходит не воспроизведение коммуникативной интенции автора, а выполнение задачи, поставленной заказчиком перевода.

Цель, с которой выполняется перевод, может быть самой неожиданной. Рассмотрим несколько примеров нестандартных задач, которые в своей переводческой деятельности приходилось решать автору этих строк.

Режиссер заказывает перевод пьесы для того, чтобы посмотреть, насколько она сценична. И прямо просит переводчика: «Не работайте над диалогами, не шлифуйте их стилистически. Вот если будем пьесу ставить, тогда в этом будет необходимость. А сейчас мне нужно только оценить динамичность развития сюжета». Перевод выполнен. Диалоги не всегда звучат так, как того хотелось бы переводчику. Но сама по себе задача, поставленная режиссером, не предполагает этого. С точки зрения эквивалентности тексту оригинала и адекватности, понимаемой как способность оказывать то же воздействие, что и оригинал, перевод не выдерживает никакой критики. Но он же полностью соответствует поставленной перед переводчиком задаче! Режиссер читает пьесу и решает, что не будет ее ставить. Она слишком статична. И кому были бы нужны изящные диалоги, если бы переводчик стремился к традиционно понимаемой адекватности? Есть претензии и к эквивалентности, и к адекватности. Но есть ли претензии к качеству перевода в рамках поставленной задачи? А ведь мы же сами учим студентов тому, что не бывает переводов «вообще», что перевод никогда не создается бесцельно, вне определенной коммуникативной ситуации.

Другой пример. Переводчику предлагается перевести тексты нескольких русских народных песен, среди которых песни на стихи А. Кольцова, А. Некрасова, А. Толстого и М. Лермонтова. Все эти сти-

хотворения положены на музыку, и заказ делается руководителем ансамбля, исполняющего эти песни во время зарубежных гастролей. Прежде всего, с самого начала исключается перевод, который не был бы эквивалентным: английский текст должен петься на ту же музыку, что и русский. Предъявляемое заказчиком требование передать характерное для русских народных песен взаимодействие звука языкового и звука музыкального требует от переводчика и сохранения типа рифмы (несмотря на различия в русскоязычной и англоязычной поэтических традициях), и сохранения возможности тянуть именно те слоги, которые при исполнении песен на русском языке растягиваются сплошь и рядом на несколько тактов. Как известно, в английском языке до недавнего времени было нежелательно использовать в таких слогах краткие гласные и дифтонги, и с учетом хронологической отнесенности текстов с этим нужно считаться. Совершенно очевидно, что при таких условиях перевод будет существенно отличаться от того, как тот же самый переводчик перевел бы эти стихотворения, занимаясь он просто поэтическим переводом. Можно ли в этом случае подходить к оценке двух возможных вариантов перевода с общими мерками? С точки зрения авторской интенции, «музыкальный» перевод вряд ли будет адекватным — ведь автор не создавал текста для пения. Но, с точки зрения музыкантов-исполнителей, будет неадекватным чисто поэтический перевод, не учитывающий возможности петь этот текст, да еще и воспроизводить при этом гармонию языковых и музыкальных звуков. Так какой же из них будет «хорошим», а какой — «плохим»?

Подобная проблема часто возникает и при оценке перевода художественной прозы. По-разному нужно переводить и соответственно оценивать переводы художественных произведений, скажем, для учебных и для академических изданий. Да и помимо общей установки относительно цели перевода у каждого переводчика есть еще и внутреннее понимание того, что он в каждом конкретном случае считает более важным: скажем, культурологический аспект перевода или сохранение авторской индивидуальности, авторского стиля общения с читателем.

Поставив перед собой задачу передать в переводе национально-культурную специфику произведения, переводчик должен будет стремиться максимально полно сохранить все встречающиеся в тексте реалии, довести до восприятия читателя все особенности той культуры, в рамках которой создано произведение. Он будет широко пользоваться сносками, пояснениями, описательным переводом, привлекая тем самым внимание читателя к разнице между культурами двух народов. Такой перевод будет

достаточно информативным в страноведческом плане, но заведомо будет производить на читателя совсем иное впечатление, чем оригинал, на своего читателя. Это будет совсем не то впечатление, на которое рассчитывал автор, поскольку он адресовал свое произведение читателю, имеющему общие с ним фоновые знания.

Решив познакомить читателя с особенностями эстетики и творческого метода автора, переводчик будет стремиться воспроизвести то художественное впечатление, которое, по замыслу автора, произведение должно оказать на читателя оригинала. В этом случае он будет сглаживать некоторые национально-культурные различия, следить за тем, чтобы текст в переводе воспринимался так же естественно, как и в оригинале, чтобы внимание читателя перевода не отвлекалось на незнакомые ему реалии, которых при чтении не замечает читатель оригинала, поскольку они ему хорошо знакомы. В этом случае читатель может получить достаточно полное представление о творческом методе писателя, но он вряд ли получит достоверное представление о той культуре, представителем которой является писатель.

Какой из этих двух переводов будет адекватным? И опять возникает вопрос: адекватным чему? Тексту оригинала? Или поставленной цели? И главное — какой из них будет лучше?

Думается, что говорить о каких-либо объективных критериях оценки качества перевода нельзя — по крайней мере, на данном этапе. Поскольку оценка должна учитывать и ситуацию перевода, и конкретную задачу, поставленную перед переводчиком, и соответствие этой задаче выбранной переводчиком стратегии, то такие критерии не могут основываться на сопоставлении текстов как таковых. Учет всех обстоятельств, сопутствующих выполнению перевода, неизбежно выводит вопрос о качестве перевода за рамки теории перевода в ее нынешнем виде. В отличие от оценки качества, скажем, потребительских товаров, которая основана на соблюдении ГОСТа, теория перевода не может предложить четких параметров, которым должен соответствовать перевод. Тем более, что, как уже было сказано, остается открытым вопрос о том, кто может эту оценку осуществлять.

Особое положение в этом отношении занимает учебный перевод. Там оценка может быть вполне объективной, поскольку студент выполняет перевод в условиях, заданных преподавателем. Преподаватель выступает в роли того самого не существующего в реальных ситуациях получателя перевода, который знает всё — и исходный текст, и ситуацию выполнения перевода, и поставленную перед переводчиком задачу. Да и задача в таких случаях нередко ставится более полная, чем перед профессиональным перевод-

чиком: мы требуем от студента и максимальной полноты перевода, и максимально достижимой эквивалентности двух текстов, и сохранения всех средств воздействия на читателя, предлагая представить себе гипотетическую ситуацию, в которой тождественность воздействия возможна. Но на то он и учебный перевод: тяжело в учении — легко в реальной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сдобников В. В. К уточнению понятия «адекватность перевода» / В. В. Сдобников // Культура как текст : сб. науч. статей. — М. : ИЯ РАН; Смоленск : СГУ, 2008. — Вып. VIII.
2. Семко С. А. Проблемы общей теории перевода / С. А. Семко [и др.]. — Таллинн : Валгус, 1988.
3. Цвиллинг М. Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода / М. Я. Цвиллинг // Информационно-коммуникативные аспекты перевода : межвуз. сб. науч. трудов. — Н. Новгород, 1991.
4. Швейцер А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода / А. Д. Швейцер // Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под ред. С. Ф. Гончаренко. — М. : Высш. шк., 1989. — Вып. 23.
5. Алексеев С. А. Передача структуры образов художественного текста в переводе (на материале англо-русских переводов) : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Алексеев. — М., 2009.

Нижегородский государственный лингвистический университет

Петрова О. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики английского языка и перевода

*E-mail: petrova2000@sandy.ru
Тел.: (831) 436-38-09*

Linguistic University of Nizhny Novgorod

Petrova O. V., Candidate of Philological Science, Associate Professor, Head of the Theory and Practice of English and Translation Department

*E-mail: petrova2000@sandy.ru
Tel.: (831) 436-38-09*